

ВОСПРИЯТИЕ РЕСПОНДЕНТАМИ ЦЕНЫ КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА И ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПОДДЕРЖАНИЕ КОНФЛИКТА В ЕГО НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ

Лиана Кварчелия

Введение

Данный раздел посвящен обзору и первичному анализу мнений респондентов относительно:

- цены карабахского конфликта для общества в целом и для отдельного человека во всех трех обществах – в Армении, Азербайджане и Нагорном Карабахе;
- факторов, поддерживающих конфликт в его нынешнем состоянии;
- локуса контроля относительно урегулирования.

В разделе отражены основные мнения опрошенных по данным вопросам, а также сопутствующие темы, которые возникали в ходе интервью. Перед интервьюерами стояла задача оценить, насколько релевантны для респондентов задаваемые им вопросы; в какой степени опрошенные задумываются над тем, что именно они теряют в результате неурегулированного конфликта; есть ли у респондентов ощущение потери от вынужденного пребывания в подвешенном состоянии; каков локус контроля относительно урегулирования конфликта.

При анализе материала следует учитывать несколько факторов:

- Данное исследование не является количественным, оно не позволяет сделать обобщающие выводы, которые можно экстраполировать целиком на каждое из трех обществ. Оно скорее дает представление о существующих в этих обществах некоторых трендах.
- Анализ производился не на основе аутентичных интервью, а на основе их коротких версий, в ряде случаев переведенных интервьюерами с языка оригинала. Сложно оценить, в какой степени вторичный материал точно (нюансировано и полно) отражает содержание оригинальных интервью, а также имела ли место коррекция оригинального материала со стороны интервьюеров – смягчение или ужесточение ими тех или иных высказываний.
- В силу того, что мы имеем дело с вторичным материалом, невозможно привести абсолютно точные цитаты из высказываний респондентов для иллюстрации тех или иных мнений и тенденций.
- Тема исследования, как и предполагалось, оказалась достаточно чувствительной. Об этом говорит тот факт, что во всех трех обществах, особенно в приграничных районах, многие люди отказывались давать интервью, а саму тему считали провокационной. Чувствительность темы проявилась и в ответах респондентов. Если на вопросы, касающиеся воздействия конфликта на респондента и на общество в целом, респонденты отвечали достаточно подробно, то на вопросы, связанные с факторами, поддерживающими конфликт в нынешнем состоянии, часть респондентов, особенно из районов вдоль линии соприкосновения, отвечала осторожно, предпочитая давать абстрактные ответы или переводя разговор на тему влияния внешних сил.

Цена конфликта

Прежде всего следует отметить, что на основе той картины, которая вырисовывается из интервью, создается впечатление, что представители всех трех обществ адаптировались к ситуации конфликта. Несмотря на то, что в ответ на вопрос о цене конфликта они называют серьезные негативные последствия конфликтных отношений, тем не менее, респонденты занимают по отношению к ситуации скорее пассивную позицию. Они принимают конфликт как нечто неизбежное, как данность, и готовы и далее приспособливаться к существующим обстоятельствам. В этом смысле несколько отличаются мнения жителей районов вдоль линии соприкосновения, на которых конфликтная ситуация сказывается непосредственным образом в их повседневной жизни и для которых чрезвычайно актуальны вопросы безопасности. Реакция на конфликт данной категории опрошенных – более активно выраженная заинтересованность в изменении ситуации в сторону поддержания диалога и разрешения конфликта. Чаще именно жители приграничных районов по обе стороны конфликта говорили о необходимости поиска компромисса и ведения диалога с противоположной стороной. Крайняя позиция некоторых жителей приграничных районов выражалась в том, что они готовы эмигрировать из мест постоянного проживания или отправить своих детей подальше от опасности.

Отвечая на вопрос о том, какую цену вынуждены платить люди за то, что конфликт находится в его нынешнем состоянии, респонденты из всех трех обществ отметили целый ряд схожих негативных последствий, о которых будет сказано ниже. Вместе с тем вопрос о цене конфликта вызвал у некоторых респондентов рефлексию о позитивных, с их точки зрения, сторонах конфликта. Например, пожилой респондент из Еревана, не находящийся в непосредственной близости к зоне конфликта, но связанный в течение своей сознательной жизни с национальным движением, видит позитив в мобилизационной силе конфликта. Для него позитив заключается в том, что конфликт и наличие внешнего врага побуждают общество рассуждать и действовать в духе патриотизма, требующего защиты (в том числе с оружием в руках) своих рубежей, национальных интересов и пр. Более того, для него результаты карабахской войны, несмотря на отсутствие окончательного мирного урегулирования, – это своего рода компенсация и возможность чувствовать себя «победителем» в свете вопроса геноцида армян в Турции: *«Национальное чувство уязвимости базируется на панармянской психологической драме, и в этом смысле Карабах имеет некий исцеляющий эффект. Победа в Карабахе помогает нации заново обрести идентичность и поверить в то, что мы можем быть победителями» (Армения, Ереван, представитель сферы культуры).*

Респонденты из Карабаха, испытывающие в плане военной безопасности прямое воздействие конфликта, а также респонденты из Азербайджана, считающие себя проигравшей стороной в конфликте, в целом о позитивных последствиях конфликта не говорили. Тем не менее, в связи с воздействием неурегулированного конфликта на будущие поколения один респондент из Нагорного Карабаха отметил в качестве позитива то, что молодое поколение сильно духом; внешняя угроза сделала молодых людей более патриотичными, мужественными и готовыми в случае необходимости с оружием в руках защищать свою страну. А один респондент из Азербайджана в связи с апрельскими

событиями (речь идет о событиях 2016 года) считает, что еще одно военное усилие могло бы воодушевить общество на более масштабное успешное наступление.

Что касается потерь и ограничений, которые несет с собой конфликт, то респонденты из всех трех обществ отметили схожие негативные факторы:

- **Сложная экономическая ситуация**

Во всех трех группах респонденты отмечали, что конфликт, растущие военные расходы, закрытые границы негативно отражаются на экономической ситуации: *«Обычный человек теряет очень многое, так как если бы не война, наше финансовое положение было бы более стабильным. Сейчас многие программы направлены на армию, мы стараемся усилить границу»* (Шуши, студентка). *«А сейчас государство потеряло и земли, и промышленность, которая могла бы приносить доходы с тех земель. Ведь те деньги, которые вкладываются в беженцев, могли бы идти на помощь развития районов. Потеряли 20% территорий, а значит, потеряли и 20% развития»* (Азербайджан, Баку, безработный мужчина).

В других интервью речь шла о высоком уровне безработицы, социальном расслоении, эмиграции в третьи страны, вызванной стагнацией в экономике, отсутствием перспектив для молодежи. Респонденты во всех трех группах говорили о том, что власти пытаются манипулировать общественным мнением и апеллируют к конфликтной ситуации, пытаясь скрыть провалы во внутренней политике, в первую очередь в экономике. Как отметил молодой респондент из Баку, во время очередного экономического спада актуализируется тема конфликта, начинают происходить инциденты на границе. Тема конфликта помогает отвлечь внимание от коррупции. Создается замкнутый круг.

- **Торможение демократических процессов**

Отмечалось, что конфликт является оправданием для авторитаристских тенденций в системе управления. Наиболее образованная часть респондентов, особенно в столицах, отмечала, что если бы не конфликт, то их страны были бы более демократичными. Респонденты из Еревана говорили об общей деградации демократических институтов и давлении власти на гражданское общество. Один из них отметил, что в ситуации конфликта общество становится закрытым, условий для развития гражданских институтов мало (Ереван). Респонденты из Баку отмечали, что под прикрытием темы конфликта нарушаются права человека. Апеллируя к необходимости консолидации общества перед лицом внешней угрозы, чиновники пытаются продлить свое пребывание во власти.

С другой стороны, как отметил один из респондентов (Баку), милитаристская риторика наверху порождает военную истерию в обществе, а это мешает развитию демократического сознания, плюрализма мнений, ведению свободных дискуссий без самоцензуры.

- **Миграция населения**

В азербайджанской группе намного чаще, чем в других группах, говорили о сложной ситуации с перемещенными лицами. В связи с вопросом беженцев возникали такие темы, как бедственное положение беженцев, их страдания из-за невозможности вернуться на земли предков, ностальгия по родному дому, а также траты, которые несет государство в связи с необходимостью содержать беженцев. *«Существует огромное количество людей, которые, к сожалению, вынуждены ждать, когда они смогут вернуться на родную землю»*.

Они хотят увидеть свои дома. [...] Многие люди умирают, так и не повидав свои дома» (Азербайджан, Барда, учитель, перемещенное лицо, мужчина).

В силу сложной ситуации в приграничных районах, а также из-за проблем в экономике и коллапса в сельскохозяйственном секторе во всех трех обществах наблюдается миграция населения внутри страны: из приграничных районов и других провинций люди переезжают, соответственно, в Баку, Ереван и Степанакерт: *«Затягивание конфликта приводит к неуверенности в завтрашнем дне. Многие задаются вопросом: а может, уехать в более спокойное место или регион?» (Нагорный Карабах, Степанакерт, работник сферы культуры).*

Данный вопрос остро поставили респонденты из Баку, которые с некоторым раздражением отметили, что лицо азербайджанской столицы значительно изменилось за счет притока сельского населения с его сельской ментальностью и укладом жизни: *«Появилась проблема «понаехавших». Этот момент меня тоже напрягает. Приехало много людей из сельской местности [...], которые перенесли свой стиль жизни на город. [...] Раньше люди тоже приезжали из села, но город их переваривал, пестовал. Но получился слишком большой наплыв в ограниченных территориальных и финансовых условиях» (Азербайджан, Баку, безработный мужчина).*

Отмечалась также миграция за пределы страны. Респонденты прямо не осуждают тех, кто покинул родину, но в карабахской группе были высказывания, в которых содержится упрек: *«Многие не выдержали, уехали в поисках лучшей доли. А мы любим родных и близких, нашу армянскую землю, не хотели бросать нашу Родину. Правда, живем под постоянным страхом» (Нагорный Карабах, Мартакертский район, женщина-беженка).*

- **Упаднические настроения в обществе**

Многие респонденты во всех трех группах описывали состояние простых людей в связи с влиянием конфликта в следующих терминах: стресс, травма, депрессия, неверие в будущее, чувство безысходности: *«Если человек думает о конфликте постоянно, он оказывает на себя психологическое давление и перестает мыслить рационально. Появляется чувство «азербайджанской меланхолии», и, мне кажется, некоторые получают удовольствие от него» (Азербайджан, Баку, работник сферы культуры).* *«Обычный человек теряет «мир». Он не может спокойно жить, и ждет чего-то. [...] Во многих семьях погибают люди, у многих нет работы, и люди уезжают» (Армения, Ванадзор, женщина).*

Некоторые респонденты говорят о потере обществом духовности, о разочаровании в политике. Все это выливается в отчужденность от политических процессов, конформизм, приспособление к существующим реалиям и, в лучшем случае, попытку найти в общем неблагоприятном контексте узкую деполитизированную нишу для самореализации.

- **Неравное распределение бремени конфликта**

Респонденты из всех трех групп говорили о том, что простые люди в большей степени испытывают бремя конфликта и его негативных последствий. Более того, именно их дети, в первую очередь, защищают границы и погибают во время стычек и обстрелов, в то время как дети из богатых семей, как правило, уклоняются от службы в армии, тем более на границе, не говоря уже о возможностях, которые у них есть в плане учебы и работы как в стране, так и за ее пределами.

- **Дегуманизация**

Некоторые респонденты говорили о росте уровня агрессии в обществе, о том, что обратная сторона дегуманизации врага и обесценивания человеческой жизни – это потеря собственного человеческого лица, потеря человеческого достоинства.

Среди негативных последствий продолжающегося конфликта были такие, которые приводились респондентами только из одной группы.

Например, респонденты из Нагорного Карабаха говорили об ущербе для экологии, об изолированности карабахского общества от внешнего мира, которая выражается в отсутствии международных организаций в Нагорном Карабахе, в отсутствии доступа карабахцев к международным программам и, в целом, в отчужденности и дистанцированности карабахского общества от международных процессов. Говорили также о сложностях в привлечении внешних инвестиций. Тот факт, что НКО не участвует в переговорах по урегулированию конфликта, по мнению респондентов, приводит к тому, что интересы карабахского общества мало учитываются. Один респондент говорил также о том, что из-за давления властей азербайджанское гражданское общество отказывается участвовать в миротворческих проектах, в которых готовы участвовать карабахцы.

Респонденты из Баку рассуждали о цене конфликта скорее с точки зрения глобальных политических последствий для Азербайджана. Они говорили об ущемлении национальной гордости в связи с территориальными потерями, о том, что нынешнему поколению будет стыдно перед будущими поколениями за потерянные земли; о потере культурного пласта, связанного с Нагорным Карабахом. Один из молодых респондентов в Баку говорил об «охоте на ведьм» и обвинениях в симпатии к врагу на основе того, что человек имеет дружеские отношения или контакты с представителем общества по другую сторону конфликта. О проявлениях шпиономании на фоне конфликта сказал также респондент из Гянджи. Многие респонденты говорили о территориальных потерях не только как о символе «национального унижения», но и с точки зрения того, что беженцы не могут вернуться в родные дома, а также с точки зрения экономических потерь. В отличие от респондентов из Баку опрошенные из приграничных районов Азербайджана больше говорили о каждодневных социальных проблемах и проблемах с безопасностью, а также о тяжелом психологическом состоянии: *«Мы постоянно живем в страхе, испытываем полный страх, но находимся у себя дома» (Азербайджан, Товуз, мужчина).*

Для армянских респондентов, особенно из Еревана, актуален вопрос преодоления проблемы закрытых границ в связи конфликтными ситуациями (Армения-Азербайджан, Армения-Турция), поскольку закрытые границы тормозят развитие Армении во многих отношениях.

В отношении цены, которую будут вынуждены заплатить будущие поколения, если конфликт будет поддерживаться в нынешнем состоянии еще долгие годы, разные респонденты во всех трех группах высказали схожие мнения:

- Не имея опыта совместного проживания и взаимодействия, будущие поколения армян и азербайджанцев вырастут еще более отчужденными друг от друга. Они унаследуют от старшего поколения «образ врага», а все, что связано с конфликтом, превратится в перманентный символ вражды, делящий общества на «мы» и «они». Жизнь в условиях конфликта будет восприниматься как норма.

- Чем дольше будет длиться конфликт, тем сложнее будет его урегулировать. Будет наблюдаться рост агрессивности, национализма и радикальных настроений. Во всех трех группах были респонденты, которые говорили о том, что власти не заинтересованы в разрешении конфликта и поэтому мало шансов, что будущие поколения будут жить в иных обстоятельствах. В группе респондентов из Баку и Нагорного Карабаха некоторые отметили, что чувство ненависти и озлобленности по отношению к противоположной стороне намеренно подпитывается пропагандой в СМИ. Поэтому принципиальных изменений в установках, отношениях и поведении людей еще долгое время не будет и будущим поколениям предстоит участвовать в конфликтных отношениях по сегодняшней модели.
- Новые поколения, как и их предшественники, будут адаптироваться к ситуации конфликта, отчуждаться от политики, искать свою нишу в деполитизированных сферах.
- Эмиграция будет одним из способов вырваться из контекста, отягощенного конфликтом и его последствиями для общества. При этом явное преимущество в получении возможностей для учебы или работы в эмиграции будут иметь дети из более благополучных семей.
- Некоторые респонденты из числа учителей, врачей и студентов были настроены более оптимистично и говорили о том, что придет новое поколение с новыми идеями разрешения конфликта.
- Часть опрошенных считает, что если сегодня молчать и ничего не предпринимать, то и в будущем мало что изменится. При этом конкретных идей по поводу того, что именно можно было бы сделать сегодня, в ответах было крайне мало.
- Некоторые респонденты отметили, что СМИ и политики, говорят в основном на языке ненависти, который задевает чувства простых людей и играет на эмоциях нынешнего поколения, непосредственно пережившего тяготы войны и продолжающегося конфликта. Будущие же поколения эмоционально конфликт затронет меньше, и поэтому, возможно, они будут более конструктивными и прагматичными в вопросах урегулирования.
- Респонденты из территорий, прилегающих к линии соприкосновения с обеих сторон, рассуждали на тему будущего в общих чертах. Им сложнее заглядывать в будущее, они склонны больше говорить о том, что их волнует здесь и сейчас. В связи с вопросом о влиянии конфликта на будущие поколения они часто ограничивались предположением о том, что многие молодые люди захотят эмигрировать, хотя были и противоположные мнения, согласно которым покидать земли своих предков не следует.

Наряду с совпадающими позициями о том, как может или не может измениться ситуация в будущем, респонденты из трех обществ выразили также мнения, более или менее уникальные для их группы.

Азербайджанская группа:

- Часть респондентов из Баку считает, что будущие поколения, никогда не посещавшие Нагорный Карабах, не имеющие опыта совместного проживания и общения с армянами, будут более или менее индифферентны к карабахской проблеме. Они

свыкнутся с потерей территорий, и постепенно острота конфликта притупится, хотя недоверие между обществами, восприятие конфликта и потери территорий останутся в коллективном сознании как травма и несправедливость, имеющие отношение скорее к истории, чем к современности.

- Другая часть респондентов считает, что радикализация общества усилится и националистические настроения окрепнут, поскольку молодое поколение унаследует от своих отцов чувство униженности и оскорбленной чести в связи с территориальными потерями.
- В провинциях некоторые респонденты рассматривают конфликт через призму религиозных различий и говорят о том, что Азербайджан должен мобилизовать мусульманский мир для противостояния христианской Армении и поддерживающих ее единоверцев из числа третьих стран.
- Некоторые респонденты в Баку, особенно из среды интеллигенции, предполагают, что молодежь будет дезориентирована и испытает когнитивный диссонанс: с одной стороны, учебники истории полны пропаганды и ненависти к армянам; с другой – жизнь будет идти своим чередом и предлагать молодежи новые возможности для развития.

Армянская группа:

- Неурегулированность конфликта со всеми вытекающими и описанными выше последствиями будет вести к постепенной социальной и культурной деградации общества.
- Многие респонденты говорили о серьезных демографических вызовах в связи с эмиграцией наиболее дееспособной части населения.
- Новые постсоветские и поствоенные поколения, не знающие времени, когда Карабах был в составе Азербайджанской ССР, будут расти и формироваться со знанием того, что Нагорный Карабах – это независимое государство, на которое не распространяется юрисдикция Азербайджана. Их поведение в отношении конфликта будет основываться на этом знании как на исходной позиции.
- Отдельные респонденты опасаются, что молодое поколение может «уйти в рационализм», т.е. пойти на компромиссы в ущерб тому, что считается национальным интересом.

Нагорно-карабахская группа:

- Часть респондентов не сомневается в том, что конфликт закалил общество и выработал у него сильный дух для защиты национальных интересов. Некоторые респонденты использовали выражение «генетический код», в котором заложено чувство долга по отношению к Родине.
- Некоторые считают, что пропаганде, подпитывающей конфликт, сегодня надо противопоставить более рациональные дискуссии. Именно на такой почве может вырасти более конструктивно настроенное молодое поколение, которое привнесет в процесс урегулирования новые идеи.
- У одного респондента, сотрудничающего с международными организациями, есть опасение, что молодежь, несмотря на то, что она воспитывается в духе патриотизма, может стать неподконтрольной в отношениях с международными организациями,

если последние будут более широко вовлечены в реалии Нагорного Карабаха. И хотя о характере возможного негативного влияния со стороны международных организаций респондент прямо не говорил, можно предположить, что его опасения связаны с миротворческой деятельностью, которая интерпретируется им как могущая привести к отступлению от национальных интересов.

Факторы, поддерживающие конфликт в его нынешнем состоянии

Отвечая на вопрос о том, в каких условиях конфликт может никогда не закончиться, большинство респондентов во всех трех группах признали, что он не будет завершен, если сохранятся нынешние условия. Дальнейшие ответы респондентов показывают, что под «нынешними условиями» они понимают как внешние факторы, так и политику собственных правительств. Оценивая факторы, влияющие на поддержание конфликта в его нынешнем состоянии, респонденты из всех трех групп признали, что от продолжения конфликта возможно получение выгоды.

Внутри групп мнения относительно главных выгодополучателей разделились. Однако во всех трех группах присутствовали схожие мнения, которые приведены ниже:

- Часть респондентов внутри каждой группы решающим и единственным фактором считает внешних игроков. Они полностью делегируют глобальным внешним игрокам возможность влиять на ситуацию, отказывая местным властям и, тем более, обществам, в способности что-либо изменить.
- Те, кто отдают абсолютный приоритет внешним факторам, называют в качестве наиболее важных игроков, получающих выгоду от продолжения конфликта, Россию, США, Турцию, Иран, военно-промышленные корпорации. Часто респонденты избегают называть конкретную страну, предпочитая говорить о «торговцах оружием».
- Часть респондентов, особенно в провинциях, ограничивалась критикой правительства противоположной стороны конфликта, возлагая ответственность за неурегулированность конфликта и его нынешнее состояние исключительно на него.
- Более критично по отношению к собственным властям настроены респонденты из трех столиц, в основном из среды интеллигенции, а также молодежь. В провинции также более критичны врачи и учителя. Признавая наличие влиятельных внешних факторов, они, тем не менее, возлагают большую долю ответственности за нынешнее положение дел относительно конфликта и переговорного процесса на правительства всех вовлеченных в конфликт сторон: *«Это, скорее всего, нежелание и неготовность идти на определенные компромиссы со всех сторон» (Нагорный Карабах, Аскеран, общественный деятель, мужчина).* *«Властям выгодно неразрешение. Это тут козырь: зачем решать конфликт, если всегда можно все свалить на него?» (Баку, безработный мужчина).* *«Могу предположить, что это обе страны, я имею в виду правительства, которые не готовы сейчас к миру, им это невыгодно» (Армения, Ванадзор, женщина).*
- Жители приграничных районов воздерживались от критики собственных властей.
- Скептически настроенные респонденты говорили в общих чертах о людях и во власти, и в обществе, пытающихся «ловить рыбу в мутной воде». Несколько человек отметили, что в их обществах есть внезапно разбогатевшие люди. По предположению

респондентов, эти люди также являются выгодополучателями, нажившими состояние на «горе людей».

- Во всех трех группах были респонденты, которые считают, что пропаганда против противоположной стороны, дегуманизация оппонента – это факторы, влияющие на продолжение конфликта. Респонденты из Карабаха и Армении говорили, в целом, о негативной роли пропаганды, в то время как респонденты из Баку более конкретно высказывались об учебниках истории и специфике воспитательной работы в школе, которые способствуют укреплению образа врага.

Локус контроля относительно урегулирования

Во всех трех группах многие респонденты считают, что если сохранятся нынешние условия, то конфликт никогда не разрешится. *«В сегодняшних условиях я просто не вижу и не знаю, как может решиться этот конфликт» (Армения, Ереван, представитель диаспоры, мужчина).* *«При нынешних условиях конфликт никогда не разрешится» (Азербайджан, Барда, предприниматель, мужчина).*

Вопрос об условиях, при которых конфликт будет поддерживаться в его нынешнем состоянии, вызвал рассуждения на тему того, может ли что-либо или кто-либо положительно повлиять на ситуацию и что могло бы помочь в урегулировании конфликта. Как и по предыдущим темам, в данном вопросе есть и расхождения, и сходство во мнениях как внутри групп, так и между группами.

Подходы к вопросам разрешения конфликта, отраженные во мнениях респондентов во всех группах, можно, условно говоря, разделить на силовой и мирный, а также рассматривать их с точки зрения локуса контроля – экстернального или интернального.

Силовой подход:

- Часть респондентов из всех трех групп делает ставку на силу. Они видят выход лишь в укреплении обороноспособности своей страны; говорят о том, что необходимо развиваться, чтобы задавить врага силой – в этом случае можно будет диктовать условия мира. Респондент из Баку считает, например, что после апрельских событий еще один удар по Карабаху поднимет дух азербайджанского населения и поможет разрешить конфликт на азербайджанских условиях. С другой стороны, респондент из Нагорного Карабаха говорит о том, что молодые люди в Арцахе как будто рождаются воинами – они все как один готовы воевать за свою страну. А респондент из Армении утверждает, что необходима окончательная победа, которую может обеспечить только сильная армия. Для части респондентов по разные стороны конфликта в этом смысле вдохновляющим примером служит Израиль, который упоминался в интервью во всех трех группах.
- Некоторые респонденты выразили надежду на то, что противоположная сторона в силу разных причин ослабнет и не выдержит конкуренции с противником, тогда над ней легче будет одержать победу.
- Другие респонденты по обе стороны конфликта опасаются, что по разным причинам, включая эмиграцию, экономический упадок, растущее индифферентное отношение

молодежи к теме конфликта, покровительство врагу со стороны внешних сил и пр., их сторона в конфликте ослабнет, чем непременно воспользуется противоположная сторона.

Экстернальный подход:

- Часть респондентов видит возможность разрешения конфликта исключительно на уровне сверхдержав. Они не верят в то, что местные общества и местная власть могут самостоятельно повлиять на ситуацию.
- Некоторые респонденты считают, что может помочь смена посредников в переговорном процессе, поскольку у нынешних медиаторов есть собственные интересы.
- Несколько респондентов (в Азербайджане) воспринимают конфликт и его разрешение через религиозную призму и выходом считают обеспечение поддержки единоверцев на международном уровне.
- Многие респонденты из провинции считают, что переговорный процесс и все относящиеся к конфликту вопросы – это прерогатива властей, и не дело простых граждан вмешиваться в данную сферу.

Сказанное выше может свидетельствовать об апатии общества, неверии в собственные силы и возможность влиять на такой глобальный вопрос, как урегулирование конфликта, а также говорить о нежелании части респондентов открыто критиковать собственные правительства. Последнее особенно заметно у жителей приграничных районов, которые весьма осторожны в высказываниях относительно политики собственного руководства в контексте конфликта.

Мирный подход

- В каждой из групп были респонденты, настроенные на поиск путей мирного разрешения конфликта. Следует отметить, что в этом смысле речь идет скорее об общем настрое на мирное разрешение конфликта, нежели о конкретных шагах, идеях и предложениях. Те, кто говорил о необходимости компромисса, чаще всего не раскрывали скобок.
- Важно также отметить, что многие респонденты, придерживающиеся более мирных взглядов, считают, что власти не заинтересованы в том, чтобы общество было активно вовлечено в обсуждение вопросов, связанных с конфликтом и переговорным процессом. Поэтому, с их точки зрения, гражданское общество должно занять принципиальную позицию и выдвигать свои требования в адрес властей.
- Из конкретных идей, прозвучавших во время интервью, в основном из уст более молодых участников опроса, большая часть относится к действиям, которые должны, по мнению респондентов, предпринять власти, и малая часть – относительно того, что могло бы сделать само общество. Говоря о том, что конкретно могли бы сделать власти, отдельные респонденты по обе стороны конфликта упоминали демилитаризацию приграничной зоны, обмен территориями, введение миротворческих сил, прямые переговоры.
- Респонденты говорили о необходимости построения доверия на уровне обществ, о кооперации, однако в их ответах не было конкретики.
- Жители районов на линии соприкосновения выразили большую по сравнению с другими респондентами заинтересованность в установлении мира и большую

готовность к компромиссам. А несколько респондентов из числа беженцев (Нагорный Карабах) говорили о том, что беженцы имеют опыт конструктивного общения с противоположной стороной в предвоенный период и могут служить мостом между двумя враждующими сторонами. Некоторые респонденты (Азербайджан) считают, что Нагорный Карабах должен быть не яблоком раздора, а местом соприкосновения разделенных обществ.

- Рефлексирующие респонденты, большинство из которых – студенты, врачи и преподаватели, видят обратную сторону популизма, замешанного на «образе врага» и эксплуатирующего патриотические чувства граждан. Молодые респонденты считают, что без демократизации обществ и избавления от популизма, фобий и теорий заговора будет сложно продвигаться в сторону урегулирования конфликта.

Заключительные замечания

Для большинства опрошенных (кроме жителей приграничных районов) тема конфликта не является доминирующей в их повседневной жизни. Многие опрошенные приспособились к ситуации конфликта и готовы мириться с ограничениями, связанными с нынешним статус-кво. Исключение составляют люди, живущие в приграничных районах, которые испытывают постоянную озабоченность и вопросами безопасности, и проблемой ограничения свободы передвижения, и неуверенностью в завтрашнем дне. В опросе они проявили себя как люди, наиболее заинтересованные в скорейшем разрешении конфликта, в диалоге и компромиссах с обеих сторон, в большей информированности о происходящем и т.д. Несмотря на то, что сама ситуация, в которой активно используется «образ врага», не благоприятствует миротворческим инициативам, они, тем не менее, не боятся говорить о необходимости диалога с противоположной стороной. Это свидетельствует о том, что цена продолжающегося конфликта для приграничного населения чрезвычайно высока.

Живя практически на линии фронта, приграничное население одновременно живет на периферии собственного государства. На периферии, в отличие от столицы, гражданское общество не так сильно – отсюда и отсутствие критики (по крайней мере, в публичных высказываниях) в адрес властей и ощущение собственной беспомощности. С другой стороны, столицы зачастую относятся к приграничным районам как к буферу, который необходимо лишь укрепить военной силой. За рамками военных нужд приграничные районы не находятся в фокусе внимания центральных правительств и населения столиц. ***Следует обратить внимание на необходимость поддержки приграничного населения, на создание условий для экономического развития приграничных районов, на поощрение инициатив снизу. Следует также вести работу в столицах по преодолению утилитарного отношения к приграничному населению.***

Ответы более консервативных и закрытых респондентов из провинций на вопрос о движущих силах конфликта звучали в русле государственной политики. Жители провинций, как правило, не критикуют власти, экстернализируют локус контроля в отношении урегулирования. Несмотря на то, что они недовольны условиями жизни, в опросе они не проявили себя как граждане, готовые более активно участвовать если не в обсуждении ситуации с конфликтом, то хотя бы в обсуждении проблем, возникающих у них в повседневной жизни. ***Следует обратить внимание на то, что, как правило, помощь в плане экономического развития и международная поддержка гражданских организаций***

в основном сосредоточены на столицах и крупных городах, что оставляет за пределами внимания жителей провинции.

Тот факт, что в Азербайджане некоторые респонденты из провинции рассматривали конфликт через религиозную призму, может быть признаком того, что в провинциях радикализация будет происходить именно по религиозной линии. **Поэтому необходимо продумать шаги в отношении развития провинций с учетом вышеобозначенного фактора.**

Респонденты из Нагорного Карабаха отмечают, что хотя карабахское общество находится непосредственно в зоне конфликта, оно в большей степени отчуждено от переговорного процесса. Поэтому именно оттуда прозвучало мнение о том, что НК должен быть представлен как сторона в любых переговорах. Более того, именно респонденты из НК говорили о важности работы на неправительственном уровне в сфере миротворчества, а также о важности преодоления изоляции НК от внешнего мира. Более того, именно в НК респондент выразил недоверие к деятельности местных и международных организаций в сфере миротворчества. Чем более изолировано и закрыто общество, тем благоприятнее почва для развития шпиономании, теорий заговора и, в конечном итоге, для самоизоляции. **Необходимо более последовательно поддерживать участие представителей гражданского общества НК в инициативах разного формата – двусторонних, региональных, глобальных. Следует вести более активную информационную работу, чтобы в обществе не возникали сомнения по поводу целей и задач диалоговых инициатив. Необходимо оказывать международную помощь для укрепления институтов гражданского общества в НК, для поддержания свободного, плюралистического гражданского пространства.**

Респонденты, живущие в столицах, больше озабочены внутренней ситуацией в своих государствах – неэффективностью правительств, коррупцией, экономической ситуацией, безработицей, ситуацией с правами человека, с демократическими институтами и пр. Часть из них выбрала путь эскейпизма и приспособления к существующей ситуации, другие видят выход в эмиграции. Все это отражается не только на том, что конфликт будет еще долго находиться в тлеющем состоянии при сохранении перманентной угрозы его обострения, но и на состоянии демократических институтов, поскольку гражданская активность в таких условиях снижается. **Поэтому важно обратить внимание на поддержку молодых людей, которые говорят о том, что выход – в демократизации обществ, в укреплении институтов и т.д. Необходимо больше внимания уделять молодежным организациям и молодежному участию.**

Респонденты из числа беженцев говорили о перемещенных лицах как о ресурсе, который может быть задействован в миротворческом процессе. У них помимо негативного опыта есть и опыт позитивного сосуществования с представителями другой стороны. **Необходимо использовать потенциал данной группы в реализации гражданских инициатив.**

Некоторые респонденты отмечали негативную роль учебников истории в разжигании ненависти к представителям противоположной стороны. Говорили также о соцсетях и СМИ, широко использующих язык ненависти. **Необходимо уделять внимание инициативам, противопоставляющим языку ненависти иные нарративы; следует поощрять развитие критического мышления.**

Во всех трех группах были респонденты, которые говорили о необходимости нахождения компромисса. Они понимают невозможность достижения урегулирования силовым путем, хотя при этом не объясняют, что именно они подразумевают под компромиссом и на какие уступки, по их мнению, должна пойти каждая из сторон. В целом в опросе проявилась тенденция больше говорить о глобальных и абстрактных вещах в связи с возможностями для урегулирования конфликта. Но именно вопрос о том, какой вклад мог бы внести в построение мира респондент лично, переносит опрошенных из области геополитики, пропагандистских клише и политкорректности в более конкретную плоскость и побуждает людей рассуждать более приземленно, предлагая хотя и маленькие, но, тем не менее, конкретные шаги на уровне ближайшего окружения и общин на местах. Многие респонденты говорили о том, что интервью заставили их впервые серьезно задуматься о многих вопросах, связанных с конфликтом. ***Представляется полезным проводить более углубленные дискуссии в различных группах по вопросам и результатам настоящего исследования.***